

Наука о детерминации рисков и ментальных ответах на их возникновение

© Н.Н. Губанов¹, Н.И. Губанов², А.Э. Волков²

¹ МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

² Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, 625023, Россия

Выделены и охарактеризованы следующие внутренние детерминанты рискованного поведения: склонность к риску, поиск сильных ощущений, прогноз жизни, установка на быстрое достижение успеха, низкий самоконтроль, смелость. Показаны возрастные отличия в склонности к риску. К внешним детерминантам рискованного поведения отнесены нормы и ожидания, формируемые семьей, социальными группами, типом культуры. В качестве ментальных ответов на возникновение рисков, связанных с научно-техническим прогрессом, выделены социально-этическая экспертиза научных программ и проектов, возникновение биоэтики, принцип информированного согласия на исследование, императив ответственности, экологический императив, зарождение рискологии и глобалистского менталитета.

Ключевые слова: *склонность к риску, поиск сильных ощущений, прогноз жизни, установка на быстрое достижение успеха, низкий самоконтроль, социально-этическая экспертиза, биоэтика, императив ответственности, экологический императив, рискология*

Современное общество часто называют обществом риска. Действительно, риски существуют практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной деятельности, сохранении здоровья, личных и общественных делах, в отдыхе, развлечениях, спорте, бизнесе, военном деле. Социальные группы и общество в целом испытывают риски в использовании техники и технологий, в дипломатических и политических решениях. Особенно большие риски связаны с использованием результатов научно-технического прогресса. В одной из предыдущих работ авторы раскрыли сущность риска, характеристики рискованной ситуации и виды риска. *Под риском авторы понимают действия или бездействие человека или социальной группы в условиях неопределенности и возможной опасности, а также знание, что успех приведет к предполагаемой пользе, а неуспех — к предполагаемому ущербу* [1]. Цель настоящей статьи заключается в раскрытии внутренней и внешней детерминации рисков и ментальных ответов на их возникновение в современном обществе.

Внутренняя и внешняя детерминация рискованного поведения. С точки зрения социально-когнитивного подхода поведение обусловлено взаимодействующими друг с другом внутренними и

внешними факторами. В состав внутренних факторов включаются возрастные и личностные ментальные особенности, специфика протекания физиологических, эмоциональных и познавательных процессов, убеждения и установки, субъективные оценки рискованности разных способов поведения.

В качестве одной из ментальных особенностей, способствующей рискованному поведению, выделяют такое свойство, как готовность, или склонность, к риску. Установлено, что человек, готовый рисковать в одних условиях, будет стремиться к этому и в других условиях. Такие лица отличаются более высоким фоновым уровнем активации ЦНС. Со склонностью к риску связано возникновение в последние 30 лет многих видов спорта, названных экстремальными. Экстремальность состоит в большой вероятности причинения вреда своему здоровью в случае неуспешной деятельности. Занятия таким спортом позволяют по принципу замещения расходовать высокий энергетический потенциал. В условиях необходимой безопасности данное поведение рассматривают как профилактический прием для уменьшения рискованного поведения в других жизненных ситуациях. Весьма условно всех людей можно разделить на рискованных и осторожных. Рисковые склонны влиять на других, стремиться к лидерству в группах, обладают высоким уровнем притязаний. Осторожные предпочитают подчиняться, более консервативны и нерешительны [2, с. 503]. Для представителей первой группы рискованные ситуации являются нормой. Для них риск — необходимая часть их профессиональной и личной жизни, способ саморазвития, самостоятельная ценность. В рискованной ситуации представители первой группы ведут себя активно, хотя осознают, что ее исход может быть любым. Они ориентированы на риск в максимальной степени, что позволяет им использовать его как ресурс для достижения более высокого статуса за короткий срок [3]. Важно только, чтобы разумный риск у этих людей не переходил в авантюризм.

Еще одна из личностных характеристик, тесно связанная со склонностью к риску, — поиск сильных ощущений или тяга к новым ощущениям как реакция на переживания обыденности и скуки текущей жизни. Это качество может обуславливать и авантюризм — рискованное, сомнительное предприятие без учета реальных возможностей и рассчитанное на случайный успех. Люди, имеющие полярные показатели по специально разработанной шкале для оценки жажды острых ощущений, обычно придерживаются противоположных позиций в выборе профессий, проведении досуга, спорте, личных отношениях и реакции на стимулы. Приверженцы острых ощущений предпочитают занятия, требующие взаимодействия с другими людьми и быстрых решений, любят испытания на прочность и риск. Они

часто становятся летчиками, моряками, каскадерами, пожарными, водолазами, торговцами, инвесторами, основателями нового бизнеса. Автомобили они водят быстрее и лучше, но и чаще попадают в аварии. Любят острую пищу, пьют больше алкоголя, чаще занимаются экстремальным спортом. Жажда острых ощущений у мальчиков быстро нарастает между 9 и 14 годами, достигает своего пика в 20 с небольшим лет, после чего постепенно снижается. У 50–59-летних мужчин показатель любви к острым ощущениям в два раза ниже по сравнению с 16–19-летними [4]. Это свидетельствует о возможном снижении психофизиологических ресурсов организма.

Следующая личностная характеристика, связанная с рискованным поведением, — убеждение человека относительно своего будущего, *прогноз своей жизни*, который может быть оптимистическим или пессимистическим. При наличии оптимистического прогноза жизни люди принимают больше мер по обеспечению своей безопасности по сравнению с лицами, пессимистически оценивающими свое будущее. Последние в стрессовых ситуациях, полагая, что им в жизни мало что светит, могут практиковать особо опасные способы рискованного поведения, такие, как употребление алкоголя, наркотиков, авантюристические стратегии и тактики в профессиональной деятельности, небезопасные сексуальные отношения. Кроме того, психологическими коррелятами риска являются такие качества личности, как импульсивность, сильно выраженные установки на достижение успеха, низкий самоконтроль. Особенно значимой детерминантой рискованного поведения является *преобладание мотива о незамедлительном удовлетворении своих потребностей*. Чем выше уровень потребностей индивида, тем выше вероятность того, что индивид предпочтет рискованный способ их достижения [5]. У лиц с высоким уровнем этой мотивации сильнее выражены недалекость, импульсивность, немногословность. Люди, которые находятся в состоянии тревоги, смущения, ярости, в подавленном настроении, чаще совершают действия, предполагающие риск [6]. Это связано, по-видимому, со снижением самоконтроля и точности анализа ситуации, вызванным психической дезорганизацией.

Думается, что рискованному поведению сильно способствует и такое качество человека, как смелость. Недаром существует выражение «на свой страх и риск». Риск — это всегда противостояние опасности. Осознание опасности порождает страх. Смелый человек преодолевает свой страх и идет на риск. Однако и робкий человек в некоторых случаях совершает рискованные поступки. Это может произойти под влиянием других людей, например, взрослые преступники вовлекают в противоправные действия робкого подростка (пассивный риск). Еще несмелый человек может рисковать в услови-

ях крайней необходимости, например, украсть продукты питания, если долго голодал.

Существует тесная связь между риском и верой. Вера — это заключение о существовании чего-либо в условиях недостатка знаний и отсутствия логического и опытного обоснования, а также признание утверждения об этом существовании истинным. Будучи интуитивной оценкой перспектив деятельности и жизни, вера компенсирует недостаток информации. Если бы существовала полная информированность, необходимость в вере отпала бы. Поскольку полная информированность недостижима (образ всегда беднее оригинала), вера и риск принципиально неустранимы из структуры деятельности. Недостижимость абсолютного знания является условием существования и веры, и риска. Особое место среди всех видов веры занимает вера в себя как форма самооценки своих качеств и возможностей. Вера в себя — неотъемлемая часть самосознания. Она существенно влияет на поведение человека, в том числе и рискованное. Чем сильнее вера в себя и в успех деятельности, тем более будет склонен человек к риску.

Вера имеет внешний и внутренний источники — знания о предмете веры и потребность в существовании этого предмета. В зависимости от того, какой из этих источников преобладает, вера бывает разумной и слепой. Первая из них основывается, главным образом, на всестороннем анализе ситуации, сопоставлении разных мнений, на собственных размышлениях и интуиции. Такая вера способна к коррекции со стороны разума при наличии аргументов. Слепая вера питается в основном эмоциями, вызванными потребностью в предмете веры. Желаемое здесь принимается за действительное. Даже если человек чувствует, что такая вера не имеет оснований, он хочет ее иметь. Чем больше выражена потребность и связанная с ней эмоция, тем сильнее слепая вера. Она либо глуха к голосу разума, либо сильно избирательна к информации: приемлемые сведения принимает, неприемлемые — игнорирует. Слепая вера склонна к некритическому восприятию авторитета и формированию культа личности [7, с. 329–331]. Разумная и слепая вера по-разному влияют на рискованное поведение: в основе оправданного риска чаще всего лежит разумная вера, а в основе неоправданного — обычно слепая вера.

Склонность к рискованному поведению зависит от возрастных и гендерных факторов. А.В. Шаболтас показывает, что люди старшего возраста обычно более осторожны, чем молодые люди, которые чаще предпочитают риск и недооценивают вероятность неудачи [8, с. 8, 9]. Так, игроки-подростки в присутствии сверстников выбирают рискованные комбинации в 2 раза чаще, чем в одиночестве, в то время как на поведение взрослых игроков присутствие зрителей не влияет. Вы-

сокая соревновательность, стремление к достижениям, смелость и любовь к новизне — классические нормативные мужские качества. Мальчик, желающий стать «настоящим мужчиной», делает все, чтобы обладать ими.

И. Кон справедливо отмечает, что поскольку повышенная рискованность поведения подростка биологически нормальна, то вместо того, чтобы пытаться устранить ее и привить ему полное послушание, нужно стараться избежать ее наиболее опасных последствий [4]. Общество (особенно учителя, родители, наставники) всячески пытается уменьшить угрожающие людям риски. Вся система воспитания детей направлена на их избежание: безопасный транспорт, безопасный секс, безопасные технологии, безопасный Интернет, есть даже школьный курс «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ). В этом контексте современную культуру вполне можно назвать культурой осторожности, где любой выходящий за пределы необходимости добровольный риск представляется нежелательным, ненормальным и безответственным. Но личная свобода и индивидуальность бытия неотделимы от выбора и риска. В людях сочетаются осторожность и склонность к риску. Пропорция между этими противоположностями у людей различна: от значительного преобладания рисковости до превалирования осторожности. Строить систему воспитания на культивировании одной осторожности не совсем рационально, это тормозило бы становление творческих личностей. В системе воспитания должны присутствовать способы формирования у молодых людей стремления к новизне в разных сферах деятельности, превышению уровня своих достижений, смелости, решительности, целеустремленности. Возможно, этому могут способствовать спорт, военные и иные игры, волонтерская деятельность, научная работа, художественная самодеятельность, работа в общественных органах охраны порядка (аналогах бывших ДНД).

Важную роль в осуществлении рискованного поведения играют и внешние факторы. Действия каждого человека и его выбор поступков всегда осуществляются в определенных социокультурных условиях. Школа, вуз, семья, другие социальные группы, близкие люди, общество в целом создают культурную среду, включающую в себя ожидания, правила и нормы поведения. Все это может способствовать или, напротив, препятствовать рискованному поведению. Например, в западной культуре способность рисковать оценивается более высоко, чем в восточной. Так, исследования с помощью специальных опросников показали, что студенты из Уганды более осторожны по сравнению с американскими [8].

На принятие рискованного решения оказывает влияние коммуникация. Д. Стоунер обнаружил феномен, который назвал сдвигом в

сторону риска (*risky shift*): групповое решение оказывается более рискованным по сравнению с индивидуальными решениями, принятыми до групповой дискуссии [9]. Это, по-видимому, объясняется распределением ответственности между членами группы: человек чувствует себя увереннее и безопаснее, когда его решение разделяют другие лица и принимают на себя часть общей ответственности.

В настоящее время сфера рискованного поведения расширяется в связи с тем, что возрастает стремление людей активно постигать растущую сложность и новизну изменяющегося мира, а также использовать новые формы поведения и производить инновации. А внедрение любой инновации порождает риск, который наряду с положительным результатом может повлечь за собой негативные последствия вплоть до аварий и катастроф.

Ментальные ответы на возникновение современных рисков. Особенно значительные риски возникают в результате научно-технического прогресса. Научные знания, а также созданные на их основе технологии и техника, как известно, могут использоваться не только во благо, но и во зло людям. Притом чем более развитой становится наука, тем большие негативные последствия может иметь негуманное применение научного знания и техники. Постоянно возникают также и непреднамеренные негативные последствия научно-технического прогресса и использования научного знания или экспериментов, например, над генотипом человека и его мозгом. Научно-техническое развитие постоянно порождает разнообразные виды риска. Внедрение всех видов современной техники имеет как положительные, так и отрицательные для общества последствия и несет в себе технологические, экологические и социальные риски. Риск «рассматривается как результат избыточности технологического и научного прогресса, отсутствия прогностической освоенности порождаемых последствий. Чем фундаментальнее открытие или техническая инновация, тем связанные с ними риски также становятся фундаментальнее» [10, с. 42]. Создаваемую научно-техническими рисками «угрозу уже нельзя отнести только к месту их возникновения — предприятию. По своей сути они угрожают жизни на этой планете, причем во всех ее проявлениях» [11, с. 13]. Современному обществу присуща большая рисконасыщенность, проявляющаяся в экспоненциально растущем количестве технологических, экологических и иных аварий и катастроф, вызванных разрывом между могуществом технологии, с одной стороны, и невозможностью абсолютного контроля за последствиями воздействия ее на природу и человеческие общности, с другой. В результате взаимозависимости всех процессов на планете возникла качественно новая ситуация с обеспечением безопасности, поскольку природные катастрофы ведут к техногенным, а

последние — к социальным катастрофам. Рисконасыщенность общества является не просто большой, а возрастающей. Это связано с ускорением всех процессов в обществе, обострением конкурентной борьбы, предельно короткой жизнью продукта, на смену которому приходит новый продукт. В результате этого во всех сферах общества необходимыми становятся быстрые инновации, порождающие риски. Риски влияют на политическую систему, ценности массового сознания, индивидуальные и коллективные действия, в частности, длительные кризисы и частые катастрофы могут стимулировать идею необходимости сильной власти.

В связи с отмеченным выше У. Бек назвал современное общество обществом риска [11], а О.Н. Яницкий, который по многим аспектам солидарен с У. Бекком, — обществом всеобщего риска [12]. Эти ученые обосновывают свои выводы, полагая, что риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, которые порождаются процессом модернизации. Тем самым Бек и Яницкий отмечают невозможность дистанцирования от рисков в современном мире и ставят проблему минимизации рисков и управления ими. Общество риска — это определенная стадия развития социальности, которая характеризуется генерированием рисков, опасностей и угроз, нестабильностью, неопределенностью, двойственностью, отсутствием четких критериев поведения в обществе, снижением ценностей нормативно-регулятивного ряда, а в качестве основы социальной солидарности людей выступают риск и безопасность. «Общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [11, с. 15]. В условиях общества риска, как справедливо отмечают В.П. Буянов, К.А. Кирсанов, Л.М. Михайлов, «необходимо создать глобальную самосовершенствующуюся систему рискозащищенности жизнедеятельности человека на базе и с учетом оптимального развития техногенных и антропогенных составляющих. Эта глобальная цель, являющаяся в настоящее время и в обозримом будущем суперприоритетной, может быть достигнута путем развития научной мысли, совершенствования системы непрерывного образования, проведения инноваций в промышленной и непромышленной сферах» [13, с. 48].

Как реакция на возникающие в ходе научно-технического прогресса риски в менталитете современных ученых оформилась идея соединения науки с этикой, идея синтеза поиска истины с гуманистическим идеалом. Принцип классической и неклассической науки «Обнаруживай истину и наращивай истинное знание» признается недостаточным. Принцип современной, постнеклассической, науки — «Ищи истину только для блага людей». Постнеклассическая наука включает в себя «требование экологического и этического регулиро-

вания научных проектов и их практической реализации» [14, с. 69], к ее гносеологическим основаниям относятся «вероятностный характер научного знания, всегда имеющая место недоопределенность научного знания (всех научных понятий, суждений, теорий)» [14, с. 70]. В постнеклассической науке устанавливаются связи между внутринаучными и вненаучными социальными целями и ценностями. Одной из форм таких связей выступает социально-этическая экспертиза научных программ и проектов. Данная экспертиза должна выявить социальные последствия предлагаемых научных проектов и соответствие ожидаемых итогов практического внедрения научных результатов принципам гуманизма и нормам общечеловеческой морали. Усиление этического компонента науки противодействует возможности антигуманного применения научного знания, а также непреднамеренных отрицательных последствий научных экспериментов.

Особенно значительные риски для человечества и биосферы в целом (наряду с большими позитивными перспективами) представляют начавшиеся во второй половине XX в. исследования в медико-биологических науках. Эти исследования связаны с пересадкой органов, созданием и использованием искусственных органов и технических устройств в организме, суррогатным материнством, функционированием генома и воздействием на генетический аппарат, возможным клонированием организмов, криогенизацией, эвтаназией, расшифровкой мозговых кодов психических явлений, электрическими, магнитными, химическими и иными воздействиями на мозг. Осознание учеными этих рисков привело к существенным ментальным новациям. Некоторые из них, особенно принцип благоговения перед жизнью А. Швейцера, даже упредили развитие медико-биологических наук и развитие экологического кризиса. Благоговение перед жизнью (*Ehrfurcht vor dem Leben*) — основной принцип этического учения Швейцера, который ученый сформулировал в 1915 г. и изложил в книге «Культура и этика». Принцип состоит в том, чтобы «высказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой... Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [15, с. 307].

Новации, основанные на уже имевшихся принципах медицинской этики и деонтологии, выразились в конечном счете в возникновении такого важного ментального феномена современности, как биоэтика. Эта наука «реализуется как форма социально распределенной экспертизы... рисков научно-технического прогресса в области биологии и медицины» [10, с. 48]. Акцент при оценке современных биомедицинских технологий делается на выявлении отдаленных последствий применения этих технологий.

Термин «биоэтика» ввел в культуру американский биолог и врач-онколог В.Р. Поттер в 1969 г. Он писал, что «человечество нуждается в соединении биологии и гуманитарного знания, из которого предстоит выковать науку выживания и с ее помощью установить систему приоритетов» [16, с. 34]. Биоэтика стала наиболее динамичным разделом этического учения. Она ставит проблемы, которых не было в традиционной этике, и формирует самые живые «точки роста» этического знания. *Биоэтика — это ответ нравственного менталитета человечества на риски развития медико-биологического знания и ухудшение экологической ситуации.* Эта ведущая сейчас отрасль этического знания формирует нравственные принципы деятельности биологов, врачей, педагогов, да и всех людей, направленные не только на сохранение, укрепление и активное создание здоровья людей, но и на сохранение биосферы в коэволюционном процессе социоприродного развития [17]. В рамках современной этики возникает новое понимание ответственности, которое Х. Йонас сформулировал в виде особого «императива ответственности»: «Действуй так, чтобы результат твоего действия обеспечивал непрерывность человеческой жизни» [18, с. 13].

Для этического регулирования биомедицинских исследований выработаны три основных способа. Во-первых, это процедура *информированного согласия*, которое каждый испытуемый дает перед началом исследования. Во-вторых, научные биомедицинские журналы, в материалах которых изложены результаты проведенных исследований, должны допускать к публикации лишь такие статьи, авторы которых удостоверяют, что представленное ими исследование было осуществлено с соблюдением этических норм, зафиксированных в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. В-третьих, каждый исследовательский проект может осуществляться только после того, как будет одобрен независимым этическим комитетом. Такая практика начинает применяться и в отношении исследований, проводимых на животных [19].

Применительно к природе Н.Н. Моисеев разработал и ввел в научный оборот аналогичный императиву ответственности Йонаса концепт экологического императива, означающий ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах [20]. *Экологический императив — ответ формирующегося глобалистского менталитета на угрозу общепланетной экологической катастрофы.* Он призван ограничить агрессивность общества по отношению к природе.

Принципы биоэтики сегодня в обобщенной форме представлены в международном документе «Конвенция о защите прав и достоинств человека в связи с использованием достижений биологии и медици-

ны. Конвенция о правах человека в биомедицине» (принята Советом Европы в 1996 г.). В России с учетом рекомендаций международных организаций приняты «Кодекс врачебной этики», «Этический кодекс фармацевтического работника», «Этический кодекс медицинской сестры», «Российская декларация в защиту прав пациента». Разработка принципов биоэтики и рекомендательных документов продолжается.

Еще одной ментальной новацией, тесно связанной с биоэтикой, служит зарождение и развитие учения о сущности, типах, способах изучения, смягчения и предотвращения рисков, обусловленных развитием современной техники. Сначала — в конце 60-х гг. XX в. — возникли дебаты по поводу ядерной и химической технологий, которые наиболее очевидно негативно влияли на окружающую среду и людей. «Учащающиеся техногенные катастрофы, связанные как с ошибками проектирования и природными катаклизмами, так и нештатным использованием новой техники, вывели эту проблематику на трансдисциплинарный уровень» [21, с. 122]. Не только ученым, но и политикам и бизнесменам стало понятно, что эксплуатация старой техники и внедрение новой настоятельно требуют расчета рисков и изобретения превентивных мер, которые будут использоваться при возникновении опасных ситуаций. Поэтому «сегодня проблематика технологических рисков стала одной из самых важных проблем не только многих научных и технических дисциплин, но и современного общества в целом» [21, с. 126]. Ряд ученых обоснованно поднимают вопрос о необходимости специальной комплексной науки о рисках — рискологии. Ее основные функции — раскрытие сущности, типологии, причин возникновения рисков, их роли в жизни людей и общества, а также диагностика опасностей и выработка мер по их снижению и устранению. Можно сказать, что определенные элементы такой науки уже возникли, *и это возникновение есть ответ глобалистского менталитета на угрозы и опасности при использовании науки и техники.* Существенный вклад в становление рискологии внесли У. Бек, Н. Луман, О.Н. Яницкий. По их мнению, возникновение общества рисков предполагает смену позитивной логики социального развития на негативную. Первая из них акцентирует внимание на тенденции к достижению лучшего состояния и удовлетворение потребностей, а вторая — на тенденции защиты от опасностей, избегания худшего и самоограничение потребностей [11, 12, 22].

По мнению О.Н. Яницкого, три положения разрабатываемой им концепции общества всеобщего риска имеют политическое значение для России [12]. Первое положение заключается в необходимости пересмотра основной нормативной парадигмы общества. Если в прошлые эпохи основным нормативным идеалом служили *социаль-*

ная справедливость и равенство, то доминирующим нормативным идеалом общества рисков становится *безопасность*. Конечно, цели достижения социальной справедливости и равенства не упраздняются, но социальный проект общества риска приобретает сильно выраженный защитный характер. При этом совокупность ценностей *неравноправного общества* постепенно заменяется совокупностью ценностей *безопасного общества*, а ориентация на *удовлетворение* новых потребностей — ориентацией на их *самоограничение*.

Согласно второму положению, в обществе всеобщего риска формируются новые социальные общности, а именно — общности *жертв риска*. Солидарность этих общностей на почве страха и отчужденности способна порождать значительную по своей мощности политическую силу. Третье положение концепции общества рисков постулирует политическую нестабильность такого общества. Не только в России, но и во всем мире растет недоверие к политическим организациям и институтам. Эти недоверие и нестабильность стимулируют в массах стремление найти точку опоры, которой может быть *твердая рука*, способная навести порядок. Поэтому периодическое возвращение к этапам прошлого, в том числе авторитарным и даже тоталитарным, возможно.

В настоящее время происходит и организационное оформление возникающей науки о технологических рисках. В России в 2002 г. создан Федеральный институт оценки рисков. А в 2003 г. был учрежден Международный совет по управлению рисками, который в 2005 г. опубликовал концептуальный документ «Возникновение рисков. Источники, драйверы и задачи управления» [21, с. 126, 129].

Помимо отмеченных ментальных новаций, направленных на разрешение современного антропогенного кризиса и порождаемых им рисков, обнаружилась тенденция к возникновению на планете не существовавшего ранее нового типа менталитета. Он поможет снизить риски, связанные с порождением человеческой деятельностью глобальных проблем, особенно военной и экологической. До настоящего времени самым большим количеством носителей обладали этнические (народные), национальные (общегосударственные) и региональные менталитеты. Во второй половине XX в. вместе со становлением общества всеобщего риска возникает *принципиально новый тип группового менталитета*. Бывшие ранее коллективные менталитеты содержали в себе те социально-психологические особенности, которыми обладали все члены данной общности и которыми они отличались от других общностей. В каждой группе эти менталитеты обуславливали особые способы мышления, восприятия действительности, деятельности, поведения. Их функция состояла в обеспечении самовоспроизводства групп и защите их интересов. Ментальные особен-

ности групп могли противоречить друг другу, а это создавало конфликты. Менталитетом нового типа могут быть обеспечены *единые в необходимых границах способы восприятия и поведения членов различных обществ*. В содержание этого менталитета входят ментальные особенности, которые необходимы для всех социальных общностей (этнических, национальных, региональных, конфессиональных, профессиональных и др.) для благородной цели — организации деятельности по решению глобальных проблем и сохранению земной цивилизации. Менталитет нового типа служит противоположностью этнических, национальных и региональных менталитетов и формируется на их основе. Ему, по мнению авторов статьи, принадлежит огромная роль в сохранении человеческой цивилизации.

Новый менталитет обладает интернациональным характером: его носителями выступают самые передовые люди различных этносов и стран, в него войдут наиболее важные для прогресса компоненты этнических, национальных и региональных менталитетов. Так как этот новый тип менталитета возникает в результате интеграции духовных основ различных социумов, то было предложено назвать его *глобалистским, или общецивилизационным* [23, с. 175, 176]. Этот новый тип менталитета работает не на отдельные нации, страны или регионы, а на все человечество. Национальные и региональные менталитеты решают проблемы стран и регионов, а глобалистский менталитет призван решать проблемы всего человечества и обеспечить его выживаемость.

Миссия общецивилизационного менталитета — создание духовной основы для решения глобальных проблем современности. Этот новый тип менталитета направлен на гармонизацию в отношениях, во-первых, между народами, странами и регионами и, во-вторых, между обществом и природой. Когда носителем этого менталитета станет достаточная часть населения Земли, это будет условием решения проблемы столкновения цивилизаций и других глобальных проблем. Содержание глобалистского менталитета — множество конструктивных интенсивных сходств представителей разных стран и цивилизаций. *Становление общецивилизационного менталитета — это один из незаменимых элементов духовной части ответа человечества на современный вызов истории в лице глобальных проблем и порождаемых ими рисков.*

Истоки идеи глобалистского менталитета и культуры восходят, по-видимому, к В.И. Вернадскому. Он писал: «Человек впервые реально понял, что он житель Планеты. Он может и должен мыслить не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетарном аспекте» [24, с. 24]. Ядром общецивилизационного менталитета можно считать чувство глобально-

сти, или всечеловеческой идентичности: представление *себя* неотъемлемой частицей общего человечества. Другими компонентами глобалистского менталитета становятся такие качества личности, как нетерпимость к насилию, любовь к справедливости в отношениях не только между индивидами, но и странами, приверженность нормам разумного, или умеренного, потребления материальных благ, бережное и разумное отношение к природе [25, с. 54, 55]. Конкретным проявлением такого отношения служит экологический императив Н.Н. Моисеева.

Именно благодаря глобалистскому менталитету Земля может стать ноосферой в полном смысле этого слова. Сейчас пока в деятельности людей значительную часть занимает сфера неразумия, а не разума. Ф.А. Селиванов предлагает «выделить сферу глупости, безумия, зла, т. е. атасферу» [26, с. 88]. Название образовано от имени дочери Зевса Аты — богини заблуждения и безумия, омрачающей умы как богам, так и смертным. Ф.А. Селиванов отмечает: «На Земле есть не одна, а две противоположные сферы — ноосфера и атасфера... Они взаимодействуют, пытаются вытеснить друг друга... Атасфера вездесуща, претендует на всеобъемлемость; она активна... Из-за атасферы гибнут люди и природа, из-за нее люди впадают в крайности ... впадают в фанатизм и ослепление» [26, с. 88]. Общецивилизационный, глобалистский менталитет усиливает ноосферу и ослабляет атасферу. Поэтому его можно именовать еще ноосферным менталитетом.

Ноосферный менталитет будет свободен от национального и регионального эгоизма. Такой эгоизм сейчас, к глубокому сожалению, демонстрируют страны Запада в ходе войн в Сербии, Ираке, Ливии, Сирии, насаждая там марионеточные правительства и присваивая миллиарды долларов свергнутых диктаторов и народные богатства. Все это делается под флагом принесения свободы и демократии народам, которые их об этом не просили. Общецивилизационный менталитет не имеет отношения к политике несправедливой экономической и политической глобализации на планете, проводимой сейчас западными странами. Напротив, он призван гуманизировать их политику и процессы глобализации, где надо — ограничить, видоизменить, сделать полезными всем странам. Особенно опасными для земной цивилизации служат такие атасферные компоненты западного менталитета, как склонность к гипертрофированному потреблению и неудержимой гонке в неоправданной смене предметов потребления (автомобилей, бытовой техники, телефонов и т. д.), а также установка на безнаказанное использование насилия посредством мощнейшей военной машины НАТО с целью получения экономической и политической выгоды.

Общесцивилизационному менталитету противостоят национальные и региональные менталитеты, которые с ним взаимодействуют. Недостаточно разработанным, но чрезвычайно важным является вопрос о ценностях, которые должны составить содержание глобалистского менталитета. Решение этого вопроса существенно повлияет на будущее общества. В совокупность общесцивилизационных, универсальных ценностей в настоящее время включают, как правило, те ценности, которые необходимы для благополучного проживания всех народов в составе мирового сообщества. Как показывают А.А. Берелехис и С.Г. Ильинская, это прежде всего витальные ценности: право на жизнь и продолжение рода, сохранение здоровья, неприкосновенность личности. Затем экологические ценности: чистая почва, вода, воздух, достаточность основных ресурсов. Первичные гражданские права: защита от неправомерного насилия и принуждения, возможность получения образования, свобода перемещения, неприкосновенность жилища, свобода совести, собраний, ассоциаций. Политико-правовые ценности: независимость суда, свобода и независимость печати, различные формы участия граждан в политической жизни [27, с. 127, 128]. Можно полагать, что общесцивилизационный менталитет, помимо существующих и описанных выше, включит в себя и иные ценностные ориентации, которые могут появиться в ходе развития общества. В частности, ожидается возникновение новых ценностных ориентаций в процессе синтеза ценностей техногенной и традиционной цивилизаций.

В настоящее время уже имеется ряд общественных организаций, деятельность которых способствует становлению глобалистского менталитета. Одной из таких организаций является созданный по инициативе венгерского философа и общественного деятеля Э. Ласло Будапештский клуб. На его первой конференции в 1996 г. присутствовали Э. Ласло, Далай Лама, В. Гавел, Ч. Айтматов, И. Менухин и другие известные лица. Они приняли и обнародовали «Манифест планетарного сознания». В нем отмечается, что проблемы энергетики и сырья, демографическая и экологическая проблемы, проблемы социально-экономического развития не могут быть решены только за счет экономических и политических инструментов. Новый образ мышления — вот главный инструмент и необходимое условие для дальнейшего развития человечества. Свою миссию клуб видит в содействии созданию планетарной культуры единства в многообразии. Целенаправленная коэволюция силами ответственных людей разных наций и сообществ будет способствовать устранению насилия и созданию экоцивилизации, которая могла бы обеспечить процветание человечества и сохранение жизни на Земле. Члены клуба доносят свои идеи в словах научных лекций и изображениях, звуках музыки и движениях на сцене, обращаясь к поддержке новых медиатехнологий. Отделения

Будапештского клуба действуют во многих странах, такое отделение с 2015 г. начало свою деятельность в России [28, с. 82–85].

Еще одной организацией, способствующей становлению глобалистского менталитета, служит Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Он был организован в 2002 г. по инициативе общественных деятелей России, Индии и Греции. Форум объединяет в широкую сеть различные неправительственные организации и научные ассоциации, ученых, философов, представителей различных культурных и духовных традиций — тех, кто уважает принципы ненасилия и взаимного уважения как основы межкультурного диалога. На последней сессии Форума в октябре 2015 г. на острове Родос, в частности, отмечалась необходимость разработки конкретного новаторского проекта солидарного мирового развития, обосновывалась мысль о том, что только в осознании объективной общности всего многообразия цивилизаций и их равенства перед лицом времени мир может найти альтернативу разрушению и катастрофе [29, с. 91–96].

Если национальные образовательные системы способны разрешить проблему формирования тройной идентичности — национальной, региональной, общечеловеческой, — то можно проявить воображение и представить, какой будет динамика ментальности в глобализующемся мире [30, с. 16]. Преобладающим во всем обществе становится общецивилизационный менталитет, носителем которого выступает подавляющее большинство населения планеты. Этот менталитет сплачивает человечество, обеспечивает стабильность, мир и преемственность развития всей земной цивилизации. Кроме доминирующего менталитета существуют региональные — европейский, американский, азиатский, латиноамериканский, африканский и другие. В границах регионов есть многообразные конфессиональные, профессиональные, этнические, национальные и иные групповые менталитеты, имеющие конструктивные различия. Общецивилизационный менталитет включит в свое содержание самые необходимые для прогресса компоненты региональных, национальных, этнических и других групповых менталитетов. Эти компоненты явятся множеством конструктивных сходств, которые обеспечат единство земной цивилизации, а глобалистский менталитет позволит снизить риски, связанные с возникновением глобальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Черемных Л.Г. Наука о сущности риска и характеристиках рискованной ситуации. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 11. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-11-483>
- [2] Шаболтас А.В. Рискованное поведение. В кн.: *Психология*. Москва, Проспект, 2009, с. 502–505.

- [3] Ефимовских В.С. *Риски в современном обществе: социально-философский анализ*. Дис. ... канд. филос. наук. Уфа, Изд-во Башкирского университета, 2009, 156 с.
- [4] Кон И. *Мальчик — отец мужчины*. Москва, Время, 2009, 704 с.
- [5] Яныхбаш А.В. *Взаимосвязь рискованного поведения с психологическими характеристиками личности*. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, Изд-во Института психологии РАН, 2013, 24 с.
- [6] Блэкборн Р. *Психология криминального поведения*. Санкт-Петербург, Питер, 2004, 486 с.
- [7] Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. *История и философия науки*. Москва, Изд-во СГУ, 2014, 461 с.
- [8] Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология*, 2014, № 3, с. 5–16.
- [9] Stoner J. Risky and cautious shifts and group decisions. *Journal of Experimental and Social Psychology*, 1968, vol. 4, pp. 442–459.
- [10] Тищенко П.Д. Биоэтика, общество риска и эвристика вызовов. *Философские науки*, 2010, № 12, с. 42–49.
- [11] Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва, Прогресс-Традиция, 2000, 383 с.
- [12] Яницкий О.Н. *Рискология как наука*. URL: <http://moyuniver.net/1990-e-gg-riskologiya-kak-nauka-yanickij-o-n/> (дата обращения 23.08.2017).
- [13] Буянов В.П., Кирсанов К.А., Михайлов Л.М. *Рискология (управление рисками)*. Москва, Экзамен, 2003, 384 с.
- [14] Лебедев С.А. Структура научной рациональности. *Вопросы философии*, 2017, № 5, с. 66–79.
- [15] Швейцер А. *Культура и этика*. Москва, Прогресс, 1973, 343 с.
- [16] Поттер В.Р. *Биоэтика. Мост в будущее*. Киев, Украинская ассоциация по биоэтике, 2002, 384 с.
- [17] Хрусталеv Ю.М. Философия сохранения жизни и здоровья нации. *Вестник Российского философского общества*, 2009, № 2, с. 173–178.
- [18] Jonas H. *The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age*. Chicago, University of Chicago Press, 2008, 263 p.
- [19] Юдин Б.Г. Об этосе технонауки. *Философские науки*, 2010, № 12, с. 58–66.
- [20] Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. *Вопросы философии*, 1995, № 1, с. 3–30.
- [21] Бехманн Г., Горохов В.Г. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе (дебаты о технологических рисках в современной западной литературе). *Вопросы философии*, 2012, № 7, с. 120–132.
- [22] Луман Н. Понятие риска. *TESIS*, 1994, № 5, с. 135–160.
- [23] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов. *Историческая психология и социология истории*, 2013, т. 6, № 1, с. 166–180.
- [24] Вернадский В.И. *Размышления натуралиста*. Кн. 2. Москва, Изд-во АН СССР, 1977, 192 с.
- [25] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов. *Социологические исследования*, 2011, № 4, с. 51–58.

- [26] Селиванов Ф.А. Сфера глупости (атасфера). В кн.: *Бытие и мы*. Тюмень, Вектор Бук, 2011, с. 87–90.
- [27] Берелехис А.А., Ильинская С.Г. О конфликте различных систем ценностей. *Философские науки*, 2007, № 3, с. 111–129.
- [28] Голиней В.А. Будапештский клуб в России. *Вестник Российского философского общества*, 2015, № 4, с. 82–85.
- [29] Деменчонок Э.В. Межкультурный диалог как альтернатива глобальному беспорядку. *Вестник Российского философского общества*, 2015, № 4, с. 91–96.
- [30] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Роль образования в формировании глобалистского менталитета. *Alma mater (Вестник высшей школы)*, 2014, № 11, с. 11–17.

Статья поступила в редакцию 04.12.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Волков А.Э. Наука о детерминации рисков и ментальных ответах на их возникновение. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 12.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-12-498>

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Губанов Николай Иванович — д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета. e-mail: gubanov48@mail.ru

Волков Андрей Эдуардович — канд. истор. наук, доцент кафедры «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета. e-mail: volkov_andrey78@mail.ru

The study of risks determination and mental responses to their occurrence

© N.N. Gubanov¹, N.I. Gubanov², A.E. Volkov²

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Tyumen State Medical University, Tyumen, 625023, Russia

The article emphasizes and characterizes the following internal determinants of risk behavior: risk appetite, search for strong sensation, life expectancy, setting for rapid obtaining success, low self-control, and courage. We show differences of age regarding appetite for risk. Norms and expectations formed by the family, social groups and culture type are ascribed to the external determinants of risk behavior. As the mental responses to the occurrence of risks connected with the scientific and technological progress we highlight a socio-ethical review of the scientific programs and projects, an emergence of bioethics, a principle of the informed consent to the investigation, a responsibility imperative, an ecological imperative, and a formation of riskology and globalist's mentality.

Keywords: risk appetite, search for strong sensation, life expectancy, setting for rapid obtaining success, low self-control, socio-ethical review, bioethics, responsibility imperative, ecological imperative, riskology

REFERENCES

- [1] Gubanov N.N., Gubanov N.I., Cheremnykh L.G. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin*, 2017, no. 11.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-11-483>
- [2] Shaboltas A.V. Riskovannoe povedenie [Risk behavior]. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, Prospekt Publ., 2009, pp. 502–505.
- [3] Efimovskikh V.S. *Riski v sovremennom obshchestve: sotsialno-filosofskiy analiz*. Diss. kand. filos. nauk [Risks in the contemporary society: socio-philosophical analysis. Cand. philos. sc. diss.]. Ufa, 2009, 156 p.
- [4] Kon I. *Malchik – otets muzhchiny* [Boy is man's father]. Moscow, Vremya Publ., 2009, 704 p.
- [5] Yanykhash A.V. *Vzaimosvyaz riskovannogo povedeniya s psikhologicheskimi kharakteristikami lichnosti*. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Interrelation between risk behavior and personal psychological characteristics. Cand. psych. sc. diss. author's abstract]. Moscow, 2013, 24 p.
- [6] Blackburn R. *The Psychology of Criminal Conduct: Theory, Research and Practice*. Wiley Series in Clinical psychology, 1998, 514 p. [In Russ.: Blackburn R. *Psikhologiya kriminalnogo povedeniya*. St. Petersburg, Piter Publ., 2004, 496 p.].
- [7] Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.Kh., Gubanov N.I. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow, SGU Publ., 2014, 461 p.
- [8] Shaboltas A.V. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Ser. 12. Sotsiologiya — Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2014, no. 3, pp. 5–16.
- [9] Stoner J. Risky and cautious shifts and group decisions. *Journal of Experimental and Social Psychology*, 1968, vol. 4, pp. 442–459.
- [10] Tischenko P.D. *Filosofskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2010, no. 12, pp. 42–49.

- [11] Beck U. *Risikogesellschaft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986. [In Russ.: Beck U. Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu (Risk society: on the way toward other modern). Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000, 383 p.]
- [12] Yanitskiy O.N. *Riskologiya kak nauka* [Riskology as a science]. Available at: <http://moyuniver.net/1990-e-gg-riskologiya-kak-nauka-yanickij-o-n/> (accessed August 23, 2017).
- [13] Buyanov V.P., Kirsanov K.A., Mikhaylov L.M. *Riskologiya (upravlenie riskami)* [Riskology (risk management)]. Moscow, Ekzamen Publ., 2003, 384 p.
- [14] Lebedev S.A. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2017, no. 5, pp. 66–79.
- [15] Schweitzer A. *Kultur und Ethik*. Munchen, 1960 [In Russ.: Schweitzer A. Kultura i etika (Culture and ethics). Moscow, Progress Publ., 1973, 343 p.]
- [16] Potter V.R. *Bioetika. Most v budushchee* [Bioethics. A bridge to the future]. Kiev, the Ukraine Association on Bioethics Publ., 2002, 384 p.
- [17] Khrustalev Yu.M. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva (Bulletin of the Russian philosophic society)*, 2009, no. 2, pp. 173–178.
- [18] Jonas H. *The imperative of responsibility: in search of an ethics for technological age*. Chicago, University of Chicago Press, 2008, 263 p.
- [19] Yudin B.G. *Filosofskie nauki — Russian Studies in Philosophy*, 2010, no. 12, pp. 58–66.
- [20] Moiseev N.N. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 1995, no. 1, pp. 3–30.
- [21] Bekhmann G., Gorokhov V.G. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2012, no. 7, pp. 120–132.
- [22] Luhmann N. *Der Begriff Risiko*. In: N.Luhmann. *Soziologie des Risikos*. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1991, pp. 9–40. [In Russ.: Luman N. Ponyatie riska [The notion of risk (1991)]. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 135–160.]
- [23] Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii — Historical Psychology & Sociology*, 2013, vol. 6, no. 1, pp. 166–180.
- [24] Vernadskiy V.I. *Razmyshleniya naturalista. Kn. 2* [Thoughts of a natural scientist. Book 2]. Moscow, the USSR Academy of Sciences Publ., 1977, 192 p.
- [25] Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, 2011, no. 4, pp. 51–58.
- [26] Selivanov F.A. *Sfera gluposti (atasfera)*. [Sphere of nonsense]. *Bytie i my* [Existence and us]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 2011, pp. 87–90.
- [27] Berelekhis A.A., Ilinskaya S.G. *Filosofskie nauki — Russian Studies in Philosophy*, 2007, no. 3, pp. 111–129.
- [28] Golinye V.A. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva (Bulletin of the Russian philosophic society)*, 2015, no. 4, pp. 82–85.
- [29] Demenchonok E.V. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva (Bulletin of the Russian philosophic society)*, 2015, no. 4, pp. 91–96.
- [30] Gubanov N.I., Gubanov N.N. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)(Alma mater (High school bulletin))*, 2014, no. 11, pp. 11–17.

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Gubanov N.I., Dr. Sc. (Philos.), Head of the Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: gubanov48@mail.ru

Volkov A.E., Cand. Sc. (Hist.), Assoc. Professor, Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: volkov_andrey78@mail.ru